

имперских систем в федеративные / И. В. Бахлов. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 656 с.

2. **Бахлов И. В.** Советский федерализм : идейные истоки и концептуальные особенности / И. В. Бахлов // Регионология [Саранск]. — 2006. — № 3. — С. 9—19.

3. **Вишневский А. Г.** Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — М. : ОГИ, 1998. — 430 с.

4. **Карапетян Л. М.** Федеративное устройство Российского государства / Л. М. Карапетян. — М. : Норма, 2001. — 352 с.

5. Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922—1936) / под ред. И. П. Трайнина. — М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. — 206 с.

6. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. — Изд. 5-е. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1958—1965. — Т. 45.

7. **Нежинский Л. Н.** У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921—1923 гг.) / Л. Н. Нежинский // Отечеств. история. — 1994. — № 1. — С. 89—105.

8. **Плимак Е. Г.** Политическое завещание В. И. Ленина : Истоки, сущность, выполнение / Е. Г. Плимак. — М. : Политиздат, 1989. — 223 с.

9. Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. Специфика границы. — СПб. : Европ. Дом, 1999. — 363 с.

10. Федерализм : энцикл. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — 640 с.

11. **Чистяков О. И.** Конституция РСФСР 1918 года / О. И. Чистяков. — М. : Изд-во МГУ, 1984. — 206 с.

12. **Чистяков О. И.** Национально-государственное строительство РСФСР в годы Гражданской войны (1918—1920) / О. И. Чистяков. — М. : Изд-во МГУ, 1964. — 92 с.

13. **Чистяков О. И.** Становление Российской Федерации (1917—1922) / О. И. Чистяков. — М. : Изд-во МГУ, 1966. — 327 с.

Поступила 13.09.2012.

УДК 94:355.426

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В. П. Изергина

В статье анализируются идеологические установки социальных слоев, поддержавших белых, и их влияние на исход Гражданской войны. Особое внимание уделяется взглядам русского философа И. А. Ильина (1883—1954) на данную проблему.

Актуальность исследования определяется тем, что история революции 1917 г. и Гражданской войны в России при активном ее изучении остается «белым научным пятном». При этом «самым слабым звеном выступает концептуальное оформление изучения белого движения», балансирующее между «буржуазной фальсификацией» и «революционной агитацией». В оценках представителей российской эмиграции 20—30-х гг. XX в., особенно на этапе их идеологического противостояния, наблюдалась политическая конъюнктура. Высказывались сомнения о возможности создания теории Гражданской войны, способной свести к общему

знаменателю все объяснения Белого движения. Особое место по глубине и всесторонности проникновения в сущность Белой идеи занимают работы И. А. Ильина. Его выводы касаются того, что было константным в Белом деле: альтернативный большевистскому процесс вывода России из «многостороннего имперского кризиса» на основе сочетания мировых и отечественных традиций политического, социально-экономического и культурного развития. Конечный результат данного процесса — «вырванная из рук большевизма» и демократически обновленная Россия в качестве «Великой и Единой» в сообществе развитых государств

© Изергина В. П., 2012

мира. В современных подходах к Белому движению В. Д. Зимина отмечает в той или иной форме «половинчатые» рассуждения о перерождении после Октября 1917 г. российской контрреволюции в противобольшевистское движение и о смене послефевральских лозунгов о «спасении российского государства» на послеоктябрьские — о «возрождении России» [4, с. 3, 70, 154, 155]. Отсюда следует, что Белая идеология, ее истоки и развитие, значение в формировании социальной базы движения и исходе Гражданской войны, в строительстве новой России является важным объектом исследования.

Важнейшими событиями, которые способствовали повороту к Гражданской войне стали, по мнению Г. З. Иоффе, роспуск Учредительного собрания и Брестский мир. В дальнейшем защита Учредительного собрания стала одним из лозунгов Белого движения. Брестский мир сильно ударил по чувствам тех людей, которые традиционно воспитывались в духе российского патриотизма, — офицерства, вышедшего из дворянской и разночинной среды, интеллигенции, тесно связанной со старым государственным строем и «верхними» классами, части мелкобуржуазной массы. Эта среда и сформировала Белое дело. Она проявила себя в корниловщине летом 1917 г., а в 1918 г. стала концентрироваться на Дону и Кубани. Формировавшаяся здесь Добровольческая армия рассматривала борьбу с Советской властью как продолжение войны с кайзеровской Германией [6, с. 283—284].

Говоря о социальном составе белых армий, отражающем в определенной степени и социальную базу всего движения в целом, В. Ж. Цветков отмечает, что первые полки Добровольческой армии в начале 1918 г. почти полностью состояли из офицеров, учащейся молодежи, интеллигенции, а солдат было мало. Сходный характер Белое движение носило в период зарождения и в Сибири, где ядром армии стали подпольные офицерские организации Томска, Омска, Иркутска, Красноярска, Владивостока. Настроения и убеждения, с которыми многие оказывались в рядах белой армии, были далеко не одинаковы, указывает В. Ж. Цветков. Максимально обобщенная, надклассовая идея «борьбы с большевизмом» и формула «непредрешения» основных вопросов государственной жизни до окончания междоусобной войны и созыва всероссийского национального собрания объединяла представителей различных сословий — от русского дворянства, крестьянства и казачества до буржуазии и рабочих [11, с. 58].

В программах белых организаций подчеркивался внеклассовый принцип Белого движения, в котором могли участвовать все группы населения, не признающие власть большевиков. Так, в основных положениях Всероссийского национального центра (ВНЦ) — ведущей общественно-политической организации либеральной оппозиции большевистскому режиму в годы Гражданской войны — провозглашается: «Раздору классов и Гражданской войны должна быть противопоставлена общая для всех патриотическая задача возрождения Единой и Великой России, восстановления в ней социального мира и государственного порядка, утверждающегося на примирении и сотрудничестве всех классов и всех групп населения» [8, с. 358]. ВНЦ предлагал отказаться от старого сословного деления и национальных различий. Ставилась задача по «восстановлению единства России и возвращению ее на путь социального мира». Поэтому исключалась возможность каких-либо «партийных или классовых лозунгов». Одно из основных положений ВНЦ гласило, что программа временной власти «может быть только общенациональная и патриотическая, открывающая возможность решительной поддержки ей со стороны всех классов и партий, идущих под знаменем патриотизма и государственности» [8, с. 359].

Военные были опорой Верховного правителя России А. В. Колчака. Офицеры и казаки составляли костяк вооруженных сил. Однако по сравнению с югом на востоке наблюдалась нехватка кадрового офицерства. Источником пополнения офицерских кадров была уральская и сибирская молодежь — студенты, преподаватели, врачи. Нередко офицерский корпус пополнялся за счет офицеров, переходивших из Красной армии. Из-за нехватки кадров белые их назначали на ответственные должности. Одной из причин перехода было тяжелое положение офицеров в Советской России, где их причисляли к «буржуям» и не давали никакого пайка [10, с. 128—130]. Офицерство вступало в борьбу, оскорбленное развалом армии и последствиями «позорного» Брестского мира. Эта мотивация соответствовала Программе преобразования России ВНЦ, в которой Брестский мир рассматривался как «акт чистого насилия и предательства самых существенных интересов России» [9, с. 363].

Важно отметить, что политические воззрения кадрового офицерства и офицерства военного времени были антагонистическими: в то время как первые были настроены промонархически, вторые придерживались более

левой, часто проэсеровской позиции. Причина в том, что офицерство военного времени, т. е. те, кто получили офицерский чин после Первой мировой войны, по социальному составу было представлено выходцами из разных сословий: дворян, мещан, крестьян, казаков, духовных лиц, чиновников, почетных граждан, купцов, врачей, учителей [10, с. 131]. «Узость политических взглядов и консервативность части генералитета отталкивали большую часть офицерства», — пишет В. Н. Романишина [10, с. 140].

Идейно-политическую противоречивость Белого движения подчеркивает С. В. Волков, рассматривая в нем роль офицерства. По идейно-политическому спектру Белое дело объединяло самые разные силы: от последовательных монархистов до революционных в прошлом партий эсеров, народных социалистов и эсдеков-меньшевиков. Хотя среди офицерства военного времени имелись многочисленные члены эсеровской партии, масса рядового офицерства считала «революционную демократию и, в особенности, социалистов-революционеров» виновниками своих страданий и относились к этому лагерю не только с недоверием, но и достаточно враждебно. Внутри офицерства и генералитета наблюдались разные тактико-политические ориентации: наряду с традиционной «союзнической» проявлялась и немецкая.

С. В. Волков замечает, что «настроения и идеология массы рядовых участников движения и особенно его ударной силы — офицерства вовсе не были пропорциональны настроениям политиков». Ссылаясь на А. И. Деникина, автор пишет о том, что офицерство мало интересовалось политикой и являлось служилым элементом, типичным «интеллигентным пролетариатом». Однако офицерство по природе представляло собой охранительный элемент и легче поддавалось влиянию правых кругов и своего также правого по преимуществу старшего командного состава. Непредрешенчество в этих условиях, заключает С. В. Волков, было данью традиционным представлениям о неучастии армии в политических спорах и конкретным обстоятельствам и настроениям в стране. Но большинство офицеров были настроены монархически, и в целом дух белых армий был умеренно-монархическим.

Все антибольшевистские силы были абсолютно едины в деле сохранения национально-государственного единства России. А идея Великой Единой и Неделимой России была основополагающей для всех офицеров белых армий — и на юге, и на востоке,

и на западе, и на севере. Именно она коренным образом отделяла их политическую позицию и идеологию от позиции и идеологии большевизма, для которого Россия должна была служить вязанкой хвороста, брошенной в костер мировой революции. Именно ею вожди Белого движения дорожили превыше всего и следовали ей вопреки всем обстоятельствам. «Самостийники» и вообще сепаратисты всякого рода вызывали крайнее презрение белого офицерства. Знаменитая триединая формула «За Веру, Царя и Отечество» всегда оставалась дорожкой офицерскому сердцу и была популярной среди офицерства белых армий. В целом, каких бы политических взглядов ни придерживались офицеры, стремление покончить с большевизмом было всеобщим [2].

Выводы С. В. Волкова о роли офицерства в Белом движении таковы:

1) именно офицеры были той силой, благодаря которой Белое дело вообще могло возникнуть и несколько лет бороться за возрождение России;

2) в годы Гражданской войны белые офицеры представляли культурные и духовные силы страны, сохранявшие традиции русской армии и российской государственности, унесенные затем в эмиграцию;

3) в эмиграции многие офицеры были преданы идее государственного единства России, рассматривали свое положение как временное и стремились использовать его для борьбы против большевиков.

4) источники свидетельствуют, что русский офицер 1917–1921 гг. — «геройство без рисовки, страдание без жалоб, терпение без конца, самопожертвование без позы, патриотизм без фразы». Из примерно 170 тыс. офицеров, участвовавших в Белом движении, около 30 % (50–55 тыс. чел.) погибли, до 58 тыс. оказались в эмиграции и примерно столько же остались на советской территории [2].

Рассматривая характер взаимоотношений между офицерством и интеллигенцией как составными частями Белого движения, В. Д. Зимина указывает, что большинство белых исследователей-мемуаристов считали, что военные были «проводниками» противобольшевистского движения, а политическое лицо белых армий определялось интеллигенцией. Другие не разделяли офицерство и интеллигенцию из-за родства их социальных параметров под влиянием Первой мировой войны. Третьи, напротив, делали акцент на различия названных групп: офицерство психологически несовместимо с российской общественностью; слабая и безвольная

интеллигенция сторонилась офицерства, которое не могло отстаивать какие-либо классовые интересы в силу разнородности социального происхождения; военные упрекали интеллигенцию за организационную и идейную бездеятельность; интеллигенция была разнородна по профессиональному и идейно-политическому признаку (бюрократическая, революционная, либерально-демократическая), и не каждый русский интеллигент, особенно эмигрант, имел физическую возможность встать под знамена Белого движения [4, с. 41–42, 44–45].

Белый генералитет под влиянием революционных событий 1917 г., сильно политизировавших сознание российского общества, вынужден был заниматься политикой. Белое движение в целом заметно тяготело к пракадетским общественно-политическим ценностям, утверждает В. Д. Зимина. После февраля 1917 г. структурно-организационное единство удалось сохранить только партии народной свободы, благодаря чему после октябрьских событий 1917 г. она смогла наметить контуры программы борьбы с захватившими власть большевиками. Партийному приоритету кадетов способствовала реклама лозунгов о приверженности «надклассовым», «надпартийным», «общегосударственным интересам», об обязательном соблюдении в освобожденной России прав человека и норм демократического развития. Антибольшевистские организации, которые создавались вокруг кадетской партии, претендовали на идеологическое лидерство и отстаивали «всеобъемлющую неопределенность своих лозунгов» [4, с. 46–47]. «Основная задача, стоящая ныне перед Россией, заключается в спасении родины от губящего его насилия большевиков, от междоусобий, разъединения и бесправия, вконец разоряющих русский народ», — сказано в основных положениях ВНЦ [8, с. 358]. Именно взаимодействие антибольшевистских организаций с офицерством влияло на определение стратегических и тактических установок Белого дела [4, с. 47].

Недовольство политикой «расказачивания», надежды на возрождение собственной государственности и традиций местного самоуправления стали причиной участия казачества в Белом движении [11, с. 58]. «Громадная ценность казачества для вооруженной борьбы с большевизмом заключалась в том, что казачьи земли являлись исходными территориями для оформления вооруженной борьбы и давали готовые кадры живших на этих территориях бойцов» [3, с. 14, 15]. Казачество занимало территорию от Черного

моря до Тихого океана по юго-восточной границе России и южной границе Сибири. Составляя свыше 2 % населения империи, казачество ко времени Гражданской войны распалось на 11 основных казачьих войск. Самыми большими по численности казачьего населения были: донское (36,0 % от общей численности всех казачьих войск), кубанское (27,3 %), оренбургское (10,3 %), забайкальское (6,7 %) [3, с. 165, 166].

Весь уклад казачьего быта, казачьи вольности и привилегии резко противоречили лозунгам большевиков и их уравнилельным стремлениям, что и привело к вооруженной борьбе. Хотя попыток образовать казачью федерацию не было, все же казачество было тесно связано со своей территорией. Для основной его массы отстаивание собственных интересов было важнее вооруженного похода на советский центр. Как пишет А. А. Зайцов, полковник Генерального штаба, один из первых серьезных исследователей истории Гражданской войны, казачество было готово выделить часть сил для решения общерусских задач, но у него были и местные задачи. Российская контрреволюция звала назад казачество, уходившее всю свою историю от центра к окраинам [3, с. 157–172]. Историк Н. Н. Головин, участник Гражданской войны, также доказывает, что противобольшевистское движение оформилось именно в казачьих областях [1, с. 107].

Существенное изменение социального состава белых армий за счет мобилизованных и пленных произошло в 1919 г. с расширением территории военных действий. Основную часть мобилизованных составляли крестьяне и интеллигенция. Крестьянство сопротивлялось политике продрозверстки, насаждения комбедов, запрета свободной торговли [10, с. 133; 11, с. 58]. Позиция крестьянства, составлявшего более 80 % населения, оказывала решающее влияние на ход войны. Она колебалась от пассивного выжидания до активной вооруженной борьбы против «красных» и «белых». Колебания крестьянства в итоге предопределили исход войны [7, с. 20, 21].

Разнородный социальный состав белых армий обусловил различия в идеалах и политических взглядах между разными составляющими их группами. Отсутствие «общей положительной идеи», понимаемой как «какой-либо общий политический или социальный идеал», по Н. Н. Головину, стало причиной поражения Белого движения. С прикладным значением могла выступать лишь «идея негативного характера» как

«борьба против разрушительных сил революции» [4, с. 37].

Этот вывод неполностью разделяет главный идеолог Белого движения И. А. Ильин, который в работе «Белая идея» (1926) отмечал следующее. В начале вооруженной борьбы «борющиеся вливались в нее по отрицательному признаку; по признаку неприятия коммунистической революции». Однако борьбу по «личным, партийным, имущественным и мстительным» мотивам Ильин не относил к «белым побуждениям». Те, кто боролись по ним, «бывали и опасны для белого дела вне боя...». Но основное ядро борцов, с его точки зрения, «носили в своем сердце то положительное... что образует природу белого сердца и белой воли». Сущность Белого дела, согласно мнению философа, заключается в том, что «оно имеет свой положительный идеал родины», а потому неправильно сводить его к «вооруженной контрреволюции». Дело белых есть «дело России — родины, дело русского государства». Белая идея должна охватить всю Россию, ибо ей нужны «все ее национальные силы». В ней «должны найти себя и объединиться все русские люди от земледельца до ученого, от рабочего до художника!» Белая идея, по Ильину, есть борьба за Россию как «национальный сосуд Духа Божия», «подлинную религиозную святыню». Поэтому борьба за Россию — родину означает борьбу «за совершенство, и силу, и свободу русского

духа; а для его расцвета... нужна территория, и быт, и государственная мощь» [5].

Итак, в белый лагерь входили люди разных сословий, политических взглядов и идей, что предопределило наличие неодинаковых взглядов об альтернативах будущего развития России. Каждый слой населения преследовал свои интересы. Большая же часть населения страны была пассивна и стремилась уклониться от участия в братоубийственной войне. Поэтому правомерен вывод «об относительно постоянном социальном составе антибольшевистских армий и о частом изменении социальной базы Белого движения» [10, с. 164]. Антибольшевистское движение, включавшее разные слои и группы, которые разделяли отдельные идеологические установки, все же не имело единой идеологии. Внепартийность, непредрешенчество, национализм и возрождение государственности в качестве главных идеологических установок были не вполне конкретными для большинства населения. Отсутствие более доступной массам объединяющей идеи отрицательно сказалось на социальной базе антибольшевистского движения и в конечном счете способствовало поражению белых сил. И. А. Ильин определяет движущую идею Белой борьбы как патриотическую, волевою и религиозную. С ней и через нее вооруженная белая борьба «возрождала древнюю русскую патриотическую традицию и знаменовала зарождение новой, государственно-здоровой России...» [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бордюгов Г. А.** Белое дело : Идеология, основы, режимы власти : историограф. очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. — М. : Рус. Мир, 1998. — 320 с.
2. **Волков С. В.** Трагедия русского офицерства [Электронный ресурс] / С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2002. — 509 с. // Офиц. сайт историка С. В. Волкова. — Режим доступа: <http://swolkov.org/tro/index.htm>. — Загл. с экрана.
3. **Зайцов А. А.** 1918 : Очерки по истории русской Гражданской войны / А. А. Зайцов. — Жуковский ; М. : Кучково поле, 2006. — 368 с.
4. **Зимина В. Д.** Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В. Д. Зимина. — Волгоград : Изд-во ВАГС, 1997. — 485 с.
5. **Ильин И. А.** Белая идея [Электронный ресурс] / И. А. Ильин // Сайт «Белая Гвардия». — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/article/a-36.html>. — Загл. с экрана.
6. **Иоффе Г. З.** «Белое дело». Генерал Корнилов / Г. З. Иоффе ; отв. ред. В. П. Наумов. — М. : Наука, 1989. — 291 с.
7. **Карпенко С. В.** Гражданская война в России 1917—1922 гг. / С. В. Карпенко // История России (Гражданская война в России, 1917—1922) : учеб.-метод. модуль / отв. ред. С. В. Карпенко. — М., 2004. — С. 20—137.
8. Основные положения Всероссийского Национального Центра // Всероссийский Национальный Центр / отв. ред. В. В. Шелохаев ; сост., комм. Н. И. Канищева. — М., 2001. — С. 358—359.
9. Программа преобразования России // Всероссийский Национальный Центр / отв. ред. В. В. Шелохаев ; сост., комм. Н. И. Канищева. — М., 2001. — С. 360—388.
10. **Романишина В. Н.** Социальный состав и идеология Белого движения в годы Граждан-